

ДНЕВНИКИ СТУДЕНЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ: ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА И ТИПОЛОГИЯ ТЕКСТОВ*

Аннотация. Диалектологические студенческие практики и экспедиции в Педагогическом институте Вологодского государственного университета проводятся в течение многих десятилетий. В статье описываются дневники таких экспедиций, рассматриваются особенности жанра дневников и разрабатывается типология текстов в них. Экспедиционные дневники являют собой ценный источник материала для региональной диалектологии, а также иллюстрируют примененные студентами приёмы популяризации знаний об исчезающих русских народных говорах.

Ключевые слова: экспедиционные дневники, особенности жанра, типология текстов.

Заметное внимание филологической общественности привлекла инициатива профессора СПбГУ О. А. Черепановой записать воспоминания участников студенческих диалектологических экспедиций. В традиционно издаваемом под редакцией профессора А. С. Герда сборнике научных трудов «Севернорусские говоры» появилась новая рубрика — «Воспоминания об экспедициях». В этой рубрике уже опубликованы материалы А. И. Лебедевой, И. С. Лутовиновой, О. А. Черепановой, Л. А. Ивашко, М. А. Тарасовой, Л. В. Зубовой, Ю. Ф. Денисенко, Ю. С. Веховой и К. А. Гавриловой¹.

Плодотворная идея петербургских диалектологов дала стимул к обобщению воспоминаний диалектологов в других регио-

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда. Проект № 15-04-00205/15 «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

¹Воспоминания об экспедициях // Севернорусские говоры: межвузовский сборник / Отв. ред. А. С. Герд. Вып. 9. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 263–334.

нах². Каждый из нынешних специалистов «по бабушкам и дедушкам» — так иногда в шутку называют диалектологов — мог бы создать свою серию воспоминаний о поездках в дальние российские деревни, о многочасовых беседах с информантами, об открытиях и находках, сделанных в той или иной местности.

Почему столь востребованы воспоминания такого рода? Душается, они востребованы, во-первых, потому, что диалектологами старшего поколения обследовались говоры старой, еще не реформированной в условиях XX века деревни, а современным наблюдателям приходится довольствоваться наблюдениями над уже измененными языковыми идиомами. Во-вторых, потому, что студенты прежних лет, вслед за своими многоуважаемыми преподавателями, придерживались классических приемов сбора материала по русской диалектологии и могут теперь говорить о высокой степени их эффективности. В-третьих, помимо чувства глубокого удовлетворения, воспоминания дают диалектологам старшего поколения возможность обобщить опыт и выработать для идущих следом советы методического и методологического характера и т. д.

Студентами и преподавателями Вологодского государственного педагогического университета, участвовавшими в диалектологических экспедициях, воспоминания такого содержания еще не писались, однако с 80-х годов ими велись так называемые «экспедиционные дневники». Из них можно и сейчас, по прошествии многих лет, черпать живые картины, актуализируя реалистичные, не искаженные временем воспоминания. За истекшие 40 лет в ПИ ВоГУ накопилось большое количество диалектологических дневников. До сего дня они хранятся на кафедре русского языка, отличаются высокой степенью сохранности и радуют своей информативностью. Ряд из них уже переведен в цифровой формат,

²Экспедиционные заметки: воспоминания, впечатления, интересные события, дневники // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Вып. 1 / Научн. ред. А. Д. Черенкова. Воронеж: ВГПУ, 2013. С. 90–108.

фрагменты некоторых дневников опубликованы³. Задача данной статьи — осмыслить особенности этих дневников с точки зрения их жанра, содержания и особенностей сделанных в них записей.

В обобщенном виде дневник — это 'ведущиеся изо дня в день записи каких-либо фактов, событий, наблюдений и т. п. во время путешествия, экспедиции или каких-либо занятий, деятельности'⁴. Существуют путевые, судовые, педагогические, литературные, девичьи и прочие дневники. Обстоятельно изучена специфика дневника как литературного жанра⁵. В русской культуре жанр дневника был очень популярен (И. С. Тургенев, И. С. Никитин, А. А. Апухтин, М. Ю. Лермонтов, М. М. Пришвин и др.). Он широко использовался в литературном процессе (Дневник Левицкого в «Прологе» Н. Г. Чернышевского, «Демикотоновая книга» в «Соборях» Н. С. Лескова, «Последние листья» В. В. Розанова и др.). Структура дневников со временем заметно менялась, но сущность их оставалась неизменной: дневник был и остается разговором его автора с самим собой, монологом, обращением не к слушателю или читателю, а к себе, в расчете на чтение в будущем.

Применительно к диалектологической науке как лингвистический источник недавнего времени весьма заметен дневник М. П. Сусловой, опубликованный и исследованный коллективом авторов под руководством И. И. Русиновой в Пермском государственном университете⁶.

В экспедициях, работавших под нашим руководством, наряду с ведением рабочих блокнотов студенты всегда оформляли и экспедиционные дневники. Чтение их восстанавливает в памяти участников поездки яркие эпизоды путевой жизни, оживляет ли-

³Зорина Л. Ю. Диалектная лексика говоров Вологодского края: методические материалы и научно-популярные очерки. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 130–135.

⁴Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русск. яз. Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. II. С. 406.

⁵Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века: История и теория жанра. М., 2003. 280 с.

⁶Дневник М. П. Сусловой: публикация и исследование текста / Отв. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2007. 264 с.

ца собеседников, активизирует в сознании встретившиеся местные слова и выражения.

Дневник диалектологической экспедиции обычно представляет собой стандартный альбом для рисования или фотографий, заполненный записями членов экспедиционного отряда. Чаще он и создается именно всем коллективом студентов, иллюстрируя тем самым коллективное творчество участников экспедиции. Названия дневнику в разные годы давались разные, обычно соответствующие названиям отрядов: *Глаголь*, *Летописец*, *Логос*, *Словесник*, *Сямжа-91* и др. По объему дневники получались различными, поскольку и экспедиции организовывались в разное время различной длительности — от 10 дней до 4 недель. В дневниках используются рисунки, шаржи, фотографии, аппликации и другие приемы оформления журнала.

В экспедиционных дневниках в основном день за днем описываются события и впечатления членов отряда. Делается это не только «для последующего чтения» студентами (дневник после возвращения отряда из экспедиции сдается на кафедре), но и для того, чтобы увиденное было запечатлено и стало доступным для чтения другим заинтересованным лицам.

При составлении дневника у членов экспедиционного отряда обычно возникает разделение обязанностей: один или несколько студентов придумывают сюжет и соответствующий ему текст, другой рисует, третий, обладая приличным почерком, пишет. Иногда студенты по очереди описывают день за днем, иногда — сами распределяются для написания заметок по тематическому принципу. В итоге получается весьма содержательный источник. В дневники нередко включаются материалы с особой, шутливой стилистикой: студенты стараются показать себя, проявить чувство юмора, собственную оригинальность.

Географически дневники экспедиций отображают работу студентов в Кичменгско-Городецком, Сямженском, Тарногском, Тотемском, Кирилловском, Харовском и некоторых других районах Вологодской области, а также в Санкт-Петербурге — там в 2014

и 2015 годах вологодские студенты проходили практику в ИЛИ РАН в картотеке Лексического атласа русских народных говоров.

Диалектологические путевые заметки, составляющие описываемые дневники, впоследствии находят разноплановое применение: из них вырастают тексты выступлений на областном вологодском радио (передача вологодского журналиста Н. А. Коробова «Родное слово»), публикации в литературно-художественном журнале «Вологодский ЛАД»⁷, главы текста в публикуемых монографиях⁸ и др.

Покажем далее некоторые типы созданных в условиях экспедиций текстов, обозначая их по тематическому принципу.

О составе отряда

Едем, едем, едем к ним, Едем к бабушкам своим! Август 1994 года. *В Режу, на Режу, за Режу...* Давно проверенный маршрут экспедиций ВГПИ. Человек 40 студентов во главе с доцентом Л. Ю. Зориной уже побывали в этих местах. Почти все уезжали отсюда со слезами на глазах: кто-то даже находил здесь свое счастье, кто-то — материал для научных статей... И теперь наш отряд стремится сюда, как в землю обетованную.

В составе отряда — руководитель Л. Ю. Зорина, аспирантка А. А. Баландина, аспирантка Е. Н. Шаброва, студент А. Ю. Зорин. Маловато? Но зато какие силы! Л. Ю. Зорина с сыном в этих местах «пасутся» с 1983 года, Е. Н. Шаброву уже давно заслуженно считают здесь «золотой девкой». А А. А. Баландина здесь впервые, но тоже наверняка полюбит Режу, т. е. местность по берегам реки Режи, и ее обитателей.

Цель экспедиции — опробовать программу ЛАРНГ «Одежда, обувь, украшения». Попутно фиксируем все, что представляет

⁷Зорина Л. Ю. О чём говорят на Хомоськёй стороне // Вологодский ЛАД. Литературно-художественный журнал. Вологда, 2015, 1. С. 232–239.

⁸Зорина Л. Ю. Диалектная лексика говоров Вологодского края: методические материалы и научно-популярные очерки. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 130–135.

интерес для Словаря вологодских говоров и для будущей монографии Е. Н. Шабровой о его величестве Глаголе.

О режаках

В Режском сельсовете функционирует небольшое количество фамилий (*Вахрушевы, Востряковы, Игнашевы, Ратушины*). Различать режаков, то есть людей, живущих в деревнях по течению реки Режи, помогают прозвища: Пелагея *Дунашиха* — по прозвищу отца *Дунаёнок*; Галина *Платошина* — по имени бабушки *Платониды*; *Горшиха* — прозвище по прозванию отца — *Горшок*; *Есинец* — прозвище по имени отца — *Евстигней*; *Ратёха* — Апполинария из деревни *Ратино*; *Оля Хавуя* — вот здесь мы не смогли выявить идею и причину прозвания; *Сорочата* — семейное прозвище Вахрушевых; *Чехишина* — женщина из семьи *Чехиных*.

Кажется, по прозвищам не называют лишь Нину Антоновну Вахрушеву (она фельдшер, авторитет завоевала, потому что стала *колоть* людей), Валерия Ивановича Фатиева (уважаемый в деревне человек, народный умелец, к нему надо время от времени *конацце*, обращаться то есть) и Клавдию Яковлевну Игнашеву (она учительница, в этой местности учила не только недавних школьников, но и их отцов и даже дедов).

О лексике конкретной темы

Поговорив с бабушкой Настей, Клавдией Яковлевной Игнашевой и Серафимой Гавриловной Чижовой, мы пришли в недоумение: наверное, так лучше определить ощущение человека, который говорит, сам не понимая, о чем, а к тому же получает ответы на вопросы про это неизвестно что. *Грибки, планчики, морхоточки, кустики, лопотиночка, остебень, парочка* — все это звучит красиво, но означает непонятно что (примерно по тому же принципу дед Щукарь ласково называл свою старуху *астролябией* и *апробацией?*).

Р. S. А *гриб*, т. е. оборка на платье, оказывается, бывает еще и *кошённый*, на нашу бедную головушку!

О гостеприимных хозяевах

Бабушка Настя, неся свежие пироги, приговаривает: «*Что есть в пече, всё неси на плече!*» И снова: «*Жарок да мелок, дак испечёшь пирожок*». У нашего словоохотливого информанта хорошее настроение, поговорки сыплются как из решета:

Картошка, картошка, какая тебе честь!

Кабы не было картошки, чего бы стали есть?

Это посередине стола появляется жареная картошка. «*Свой хлеб да соль, дак хоть у попа стой*», — радуется достатку хозяйка.

Пироги получились вкусные, румяные, пышные, не «укладники», и звучит следующая приговорка: «*Меньше медведя будете бояться: внизу подгорело*».

Из-за стола выйти не спешим. Мы доверяем народной мудрости: *Сколько за столом посидишь, столько и в раю проживёшь*.

Бабушка Настя считает, что завтрак мог быть и лучше, уточняет: «*Из худых-то вывалилсё, а до хороших не дошёл*». Наша собеседница вспоминает, как в старые времена люди любили после еды и отдохнуть немножко — *чтобы жирок завязался*. И снова звучит украшение речи: «*Отчего казак гладок? Поел да и набок*».

Жарок да парок!

Топим баню. Бабушка посоветовала нам пол голиком пошоркать, чтобы грязь лучше отстала. «*А тряпичу-то на предбанье возьмите*», — сказала она. Городские девочки рты пораскрывали: что, где брать? Но все же нашли *тряпичу*. Баня *скутана*, через некоторое время она *выстоялась*: угар вышел, жар настоялся, — и вот уже можно мыться. Взяли мы *хвостанцы*, залезли на самую верхнюю полку, *бзданули на каменку* и стали *хвостаться*.

Но это удовольствие длилось недолго. Жарко. Тяжело дышать. Наскоро *пошоркав* друг дружке спины, еле двигаясь, мы на *коровках* ползем к выходу. Появляется бабушка и участливым тоном произносит общепринятое пожелание: «*Жар в баньку!*» Как, еще жару? С горьким воплем вылетаем мы на *предбанье*. И только окунувшись в речке, оживаем.

О бытовом устройстве

— *А чего ж? Дом пустой, живите,* — сказала нам Ангелина Ивановна Черепанова, племянница покойной *тёты* Насти.

По тропинке, затерявшейся в давно не кошенной траве, мы подошли к старому крыльцу. Отворили дверь, за которой нас встретило ощущение бывшего уюта. Еще совсем недавно здесь топилась, весело потрескивая угольками, печка и пахло пирогами. На окнах висели занавесочки, а крашеный пол был устлан домоткаными дорожками. Деревянные лавки вдоль стен, старинная медная *рукомойница* в углу. Прялка и керосиновая лампа заброшены в чулан. О потерянном рае напоминали только фотографии, смотревшие на новых жильцов со всех стен. Здесь летопись целой семьи: удивительно красивые лица, добрые, умные глаза — это, наверное, наследственное, ведь это всё родственники той самой *тёты* Насти, о которой мы слышали столько хорошего. Ее любили буквально все.

Сегодня нам принесли кота Мурзика. Когда *тёта* Настя умерла, он плакал две недели, а снова попав в этот дом, сначала жалобно замыкал, а потом принялся тереться о знакомые предметы и громко урчать. Нас он очень полюбил: видимо, подумал, что люди, которые живут в этом доме, не могут быть плохими. А еще нам протопили печку, и в дом снова вернулось тепло. *Запахло жировым духом.*

Об общем контексте российской жизни

По вечерам демонстрируется очередная серия фильма «Дикая Роза». Прежде нас (вернее, наших информантов) отвлекали «Рабыня Изаура», «Богатые тоже плачут». А теперь вот — «Дикая роза». Сам этот цветок и прекрасное имя *Роза* чужды скудной деревенской действительности. Слышим поэтому замечательный диалог:

— *«Рожу»-то смотрю.*

— *Не смотрю я никакиё «Рожи».*

Или разговоры в магазине. Чего тут только не услышишь про *жизь нонешнюю!* Ну вот, например: *По «геркулёзу» да по порошку поймёшь, что хуже жить стали. С эдакими «аМаМаМамами»-то ничего не сделаешь!*

О деревенском речевом этикете

Диалектологами давно уже подмечено, что в Реже живы традиции вежливого, уважительного отношения к собеседнику. Так называемый речевой этикет представлен многочисленными формулами, неизвестными литературному языку: *Море под корову!* — пожелание тому, кто доит корову; *Пух под ножницы!* — пожелание тому, кто стрижет овцу; *Путём-дорогой!* — пожелание отправляющемуся в путь.

Наши трудовые достижения 4-го дня были вознаграждены новым для нас выражением. Покупки, сделанные Аллой (плащ) и Алексеем (куртка), были по достоинству оценены нашими информантами, и в двух (в двух!) домах по поводу удачных покупок прозвучало одобрительное выражение *Счастливо носить да и за этой лучше нажать!*

О трудностях в достижении взаимопонимания

Пытаемся выяснить, каким прилагательным назовут голодного человека. Но разговор заходит в тупик:

— *Голодный — это плохо. В войну голодали. Траву ели. Плохо.*

— *В других деревнях, например, голодного человека называют голодушим.*

— *Чего? Деревня? Голодуший? Нет, не слыхала такой деревни, нет её у нас. Наверно, не в нашем районе.*

О языковой рефлексии диалектоносителя

Оценить сказанное — задача не из легких. Но иногда оценки рождаются сами по себе, органично, естественно:

— *Культурно — дак едят, а бескультурно — дак хлебают. Вы вот хлебать не станете, есть будете.*

О режских перлах

— *Галинка! Пойдём ко мне, у меня яблоки есь!*

— *Где, баушка, яблоки?*

— *Вон там — у печурки в кузовеньке. Бери яблоки, лупи их, лупи!*

Яблоками, яблоками садовскими в режских говорах (д. Монастырская) называют клубни картофеля.

Итак, мы попытались показать, насколько содержательны имеющиеся в нашем распоряжении диалектологические путевые заметки. Далее представим такие тексты в ином ракурсе — в рамках жизни одного студенческого отряда. Наш выбор пал на дневник отряда «Глаголь», воспроизводимый ниже, потому что именно он обозначает начало многолетнего обследования режского говора в Сямженском районе Вологодской области.

Дневник экспедиции 1983 года в Сямженский район Вологодской области

4 июля. Едем в Режу

Наш отряд «Глаголь» направлен в Сямженский район, в *Режу*. *Режа* — удивительный край с неприхотливой русской природой, незамысловатыми деревянными строениями, сохранившимися древними обычаями.

Автобус *Сямжа — Режа* был полностью забит скудными студенческими пожитками, так что местным жителям пришлось потесниться. Дорога была живописной. Наш маленький автобус весело подпрыгивал на каждом бугорке.

Молодые мамы крепко прижимали к груди ребятешек. Наташа Соловьева с нежностью оберегала от тягот дороги пушистого серого котенка, а Марина и Галя, дыша в унисон с автобусом, изгибаясь, как баядерки в ритуальном танце, везли самый ценный груз — 12 десятков яиц. Наши страдания не прошли даром: потери были минимальными — лишь одно яйцо!

В дороге мы познакомились с очень словоохотливой бабушкой. Обратили внимание, что она вещала на весь автобус: «*Врежу, врежу!*» Кому и что она собиралась *врезать*, поначалу мы не поняли. А бабушка просто просила билет *до Режи*, до Режского сельсовета, куда направлялся и наш отряд.

Приехав в Режу, мы сразу заметили размеренную, спокойную, плавную речь, иногда отмеченную простой деревенской ироничностью.

Наш отряд был прекрасно обеспечен, главное — был интерес, желание работать. Но не все оказалось так гладко, как мы думали. Отнеслись к нам сначала очень недоверчиво: авторитет нужно было заработать! А это было не так-то просто.

Расположились мы в двух деревнях — Гридино и Рассохино. В этом деревенском мире такие тяжелые вопросы, например, как, где жить? что есть? где спать? на чем ездить? — решаются легко и быстро. Все, что есть в доме, — ваше, а недостаток комфорта искупается настоящей доброй заботой со стороны тех, чьим гостеприимством вы пользуетесь.

Постепенно мы начали понимать, что у жителей появился к нам определенный интерес, позднее мы не раз замечали, сколько душевной благожелательности проявляли эти чужие люди, которым мы ничего не давали, а только мешали работать.

Особенно нас поразила меткость речи режаков, умение вовремя и с доброй улыбкой пошутить. Слышали мы и рассказы о том, как нелегко жилось «под барином», и «как землю делили», и как многие не вернулись с войны.

Жизнь деревни неразрывно связана с землей, и режаки гордятся своим краем. Действительно, каким красивым показалось нам льняное поле — голубое с зеленым, с синими огоньками васильков! Здесь еще не трудно разыскать образцы старинных одежд, головных уборов. Сколько радостных рассказов связано со всем этим!

Сохранились в этих местах и старинные сказки, песни, заговоры. Во время нашей экспедиции мы провели концерт, который, полагаем, надолго останется в памяти жителей окрестных дере-

вень; запомнятся им и лекции о диалектах, прочитанные Наташей Шишовой.

5 июля. Дикие люди

Первый наш поход — в деревню Копылово. Тщетно пытаемся разговорить разомлевших в солнечном зное старушек. Наташа Соловьёва кинулась в ближайший дом, где в окне мелькнуло живое человеческое лицо: «Выйдите к нам, поговорите!»

Вернулась из дома Наташа с виноватой улыбкой. Женщина категорически отказалась выйти к нам, мотивируя тем, что она... *дикая*. Мы переглянулись. Потом в недоумении мы даже удалились.

В этот же день хозяйка сказала мне: «*Ну и дикая же ты!*» Тут уж было чего испугаться! Неужели вдали от шума городского я так быстро стала *дикой*? Но дело решилось просто: *дикая* в этом говоре означает 'непонятливая, глупая'. Слово употребляется широко, имеет еще значение 'необразованный, темный'. Так, рассказывая нам об этом слове, информатор вспомнил, что еще его теща, не желая что-либо делать, всегда скороговоркой выпаливала: «*Не умею! Дикая, дикая, дикая я старушка!*» «*А вот если сейчас про жену сказать, — добавил собеседник, — обидится!*»

5 июля. Переселение

Наконец-то мы все живем у наших дорогих информаторов! Лена Леонова, Абдулхаева Леночка и Наташа Соловьёва попали в избушку ласковой бабушки Марьи, которая живет в Козлюхине, на самой окраине деревни Рассохино. Сразу же, для установления контакта, мы взялись перебирать картошку в ее «ямне».

Людмилу Юрьевну устроили у симпатичных старичков Николая Кирилловича и Александры Федоровны Игнашевых в деревне Гридино. Их не надо было вызывать на разговор, они сами, без лишних просьб, охотно рассказывали все, что угодно. Вторая тройка девочек поселилась в большом светлом доме в Гридине, где им выделили отдельную комнату.

На новом месте сразу же стали искать информаторов. Молва народная указала нам на Раизу Ардалионовну Соколову как на песенницу и очень общительную женщину. Второй была названа *Лазунькишина*. Этим прозвищем нарекли строгого вида старушку, которая не терпела непонятливых. Когда ее попросили повторить какое-то слово, а потом сделать это еще раз, она вскричала: «*Экая ты дикая! Вот возьму батог, дак сразу всё поймёшь!*» Информатор она, конечно, хороший, диалектизмов в ее речи много, но вся соль в том, что норму-то свою мы еще не выполнили и рисковать собственной жизнью не имели права.

6 июля. Переселение второе

Основная трудность в первые дни экспедиции — это «наведение мостов», установление контакта с собеседниками. Прощишь человека уделить приезжим немного внимания, поговорить с тройкой студентов, но слышишь в ответ строгое: «*А чьи вы будете?*» Начинаем издалека: «*Я учительница, а это мои студенты. Зовут меня Людмила Юрьевна*». — «*Юрковна, говоришь? Копыловского Юрка что ли?*» Ну а уж если «*не своих*» и «*не присвоих*», чужой то есть, то и беседовать с тобой не будут.

Пришлось нам от Лазунькишины отказаться: уж больно внушительным был у нее *батог!* А прозвище *Юрковна* надолго закрепляется за руководителем...

7 июля. Заговорили!

Выглянув однажды вечером в окно, мы увидели Людмилу Юрьевну и Алёшку, устало бредущих вдоль улицы. Выскочили из дома, желая пригласить их к нам на беседу. Но Людмила Юрьевна испуганно замахала руками: «*Что вы, у меня и так голова болит!*» Выяснилось, что они с Алешкой отдыхают... от разговоров. Настолько говорливым оказался их хозяин, что у такого бывалого человека, как наш руководитель, голова заболела!

Режаки-то — люди самостоятельные. Уж построят дом — так как крепость: с *передом* и с *задом*, а между ними еще *серёдка* есть,

там хлев находится. Изба срублена *в лапу* или *в угол*. А чтоб дом-то стоял долго и не гнил, *потошник* привешивают.

Половина-то в доме бывает светлая, самая лучшая комната — *горница*. Окна большие, стекла чистые, и *попереченья* крепко склочены. Потолок держит *матица*, а *мост-от* выкрашен масляной краской и блестит. В общем, трудно проникнуть чужаку в дом режака.

В полутьме пыльных чердаков можно обнаружить различную мелкую хозяйственную утварь — *мутовки*, *корчаги*. Нередко посуду выдалбливали из дерева. Наиболее архаичны по форме огромные, метровой высоты *стуетни*. Более тщательно и из более ценных пород дерева выдалбливалась столовая посуда: *ковши*, *ендовы*, *солоницы*. Есть изделия и из бересты: *пестери*, *туеса*, *зобни* и др.

Алёшка в экспедиции

Шестилетний Алёша Зорин отправился уже во вторую в своей жизни диалектологическую экспедицию (первой была поездка в предыдущем году в деревню Наволок Кичменгско-Городецкого района). К поездке в деревни Сямженского района готовились заранее. Алёша получил два задания: от мамы, доцента Л. Ю. Зориной, — узнать клички кошек и собак, от профессора Ю. И. Чайкиной — запомнить 3 самых интересных слова.

Алёша очень звал с собой в поездку отца, рассуждал при этом так: *«Папа, ты тоже сможешь собирать клички. Ну что тут трудного? Спросишь, как зовут кошечку, и скажешь девочкам, чтобы записали»*. Поехали, конечно, без папы, но ребенок был снаряжен для экспедиции подходящим образом: Наташа Соловьева снабдила его самым настоящим рюкзаком!

В деревне Алёша быстро освоился, научился не отвлекать нас от работы. Более того, Алёша сам стал работать! Он запоминал по нашей просьбе некоторые слова и выражения, произносил их: *видко* — ‘видно’; *фультикультянистый* — ‘причудливый, затейливый’; *погода замокропогодилась* — ‘погода становится дождливой’; *зовут зовуткой* — *величают уткой* и т. д.

Ребенок по-своему понимал многое из услышанного. Так, увидев в деревне бани *по-чёрному* (а они действительно темные, мрачные, закопченные внутри и снаружи), все черное стал называть *по-чёрному*, все светлое — *по-светлому*. Так у нас появился даже *петух по-светлому!*

Мы спали в *другозьбе*, в летней избе. Там было много всякого крестьянского инвентаря, лежали связки веников, предназначенных для еды козам. Однажды, рассердившись на Алёшу за непослушание, мать воскликнула, что возьмет березовую вицу и выпорот его. В ответ услышала невозможное: *«Вицы ведь не для того, мамуленька, а для того, чтобы козы ели!»*

К концу экспедиции Алёша вник в нашу методику, заметил, что мы с Галиной Александровной Дружининой часто говорим студенткам: *«Диалектное! Запишите!»* или *«Литературное! Записывать не надо!»* И уже от шестилетнего Алёши мы иногда слышали: *«Это литературное!»*

PS: Даже через месяц после возвращения из поездки ребенок просил дома *глыбку*, т. е. 'кусочек' сахара и говорил *поужалуйста* с сильно огубленным гласным [о].

Сенокос

В июле начинается сенокосная страда. Время забот, волнений и напряженного труда. Колхозники поднимаются рано — едва забрезжит рассвет. Еще слоистый липкий туман покрывает поле и серебрится капельками росы на траве. Вступишь в нее — и она обдаёт тебя веером янтарных брызг. Смотришь — ноги сырые по колено.

От остывшего за ночь воздуха подергивает плечи, шея покрывается пупырышками, хочется глубже спрятать руки в карманы и дремать, зажмурив глаза, с наслаждением вспоминая о теплой постели.

Но едва лучик солнца выглянет из-за туч, приласкает лицо, руки, обогреет своим теплом, сон как рукой снимает. С жадностью начинаешь вдыхать свежий, пахучий воздух и с упоением замечаешь, как на глазах меняется картина утра. Тебя поражают

и травы, и оранжевые, белые, синие пятна цветов, и звон кузнечиков, и пряный ветер.

Это самое лучшее время, потому что на самом сенокосе этого не увидишь: будут мучить жара, несносные оводы, сырая, прилипшая к телу рубашка, белые пятна в глазах от ослепительного солнца, ломота во всем теле и желание скорейшего отдыха.

Надо торопиться, пока солнце невысоко и роса не высохла. В народе недаром говорится: *на травах роса — легче ходит коса*.

Пройдешь *«волок да ещё волок»*, а там и *пожня*, либо *чищенье* — место, освобожденное от леса под сенокос. *Чищенье* представляет собой огромный квадрат. Рядом — низина, после дождя в ней вечно стоит вода. Это *ляга*.

Работы на пожне много, трава по пояс, нельзя ей дать перестояться, иначе такая трава — не сено, не труха. А рабочих рук не хватает. Хоть дело и спорится, оставляют *кулижку* — недокошенное место. С каждым днем она все меньше и меньше. Зато растут стога, навитые вокруг крепких стожаров (*сено огребут да и батог долгий ставят, то и есть стожар*). Иногда стожар *островью* зовут.

Прежде чем стог ставить, делают настил из веток и жердей, *подтон*. Чем выше *подтон*, тем лучше: при *слече* — осеннем ненастье — вода не подмочит сено. Удобно и практично.

8 июля. Вот так сказала!

Карточек уже много. Материала больше во много раз. Мы сидели и оступело глядели на нескончаемые записи в блокнотах. В голову лезли такие вот стишки:

*Я за столиком сижу
И всё карточки пишу,
Всё пишу и пишу,
А на время не гляжу.*

Но посмотреть на время все-таки пришлось. Решили лечь спать, так как был уже первый час. Тщетно пытаемся выключить свет — замкнуло выключатель. Получилось что-то вроде пульсирующей цветомузыки. И тогда Света сонным голосом говорит:

«Не мучайте выжигатель!» По инерции пытаемся записать новый «диалектизм», но потом, посмотрев друг на друга, разражаемся дружным хохотом. Вот так сказала!

В этот же день я поймала себя на том, что пыталась транскрипцией написать письмо своей бабушке!

7 июля. Окато́м крыть

Во время нашего первого и последнего разговора с *Лазунькишной* она поведала нам о старухе *Окатихе*, которая после смерти мужа лишилась рассудка. Говоря о муже этой старушки, Лазунькишна называла его имя — *Окат* — и долго распространялась об этой семье, вообще о деревенской жизни, в частности о том, что ее избу еще *Окат крыл*.

По окончании рассказа Наташа, пребывавшая раньше в задумчивости, спросила собеседницу: «А как же всё-таки избу *окатом кроют?*» В ответ последовало недоуменное молчание... Ведь *Окат* — это собственное мужское имя!!! Хотя и старинное, но все же имя! А мы за лихорадочным поиском диалектизмов этого и не заметили, приняв за очередное «старопрженое слово».

5–7 июля. Гроза

Возвращаясь из Копылова, «ученые-диалектологи» попали под сильнейший ливень с громом и молниями. Огромная туча зловеще посмеивалась над студентами, которые, словно мокрые воробьи, стояли под стрехой какой-то добротной баньки. «А хорошо бы в бане поселиться!» — мечтательно заметил кто-то. Да, в нашем положении и баня — хорошо.

А ужас нашего положения заключался в том, что жители деревни Рассохино, прежде обещавшие разместить нас в своих домах, вдруг решительно отказались от своих обещаний. Ни приветливый вид юных девушек, ни лстивые слова руководителя Л. Ю. Зориной, ни протекция местных жителей, семьи Копыловых, не помогали. Выручили нас все же родители нашего квартирьера Гали Копыловой: нам в распоряжение предоставили 2 клас-

са старой школы. Шикарные апартаменты! Но информаторы-то живут в своих собственных домах!

А дождь все лил и лил. Не выдержав ожидания, Наташа и Марина понеслись под крышу гостеприимной школы. Преодолев дистанцию за сравнительно короткий срок, вымокнув при этом до нитки, замерзнув, у самого крыльца они выясняют, что ключ остался под стрехой баньки. Что ж, в родном доме и стены греют! Стучать зубами на пороге «своего» дома все же лучше, чем где-то в ином месте...

Кончилось все благополучно. Мокрые и усталые, мы все же не унывали: в нашей копилке слов уже кое-что было!

9 июля. Жить хорошо!

Оттоле уже недели две будет, как мы приехали в Гридино. Деревня-то здесь хорошая, старушек много. Только вот *хаются*, что народ нынче всё *выходной*, не хотят понять того, что мы рабобатаь сюда приехали, слова собираем, да всё прежние.

Гостей-то уж, как водится, встречают *загибеньками*. Но хозяйка наша осерчала: у нее сковорододержатель сломался, *дак* пришлось без пирогов *обряжаться*. Нарезали хлеба *хлебрезником* да *заместо* пирогов *скусно* поели. Хозяйка, глядя на нас, всё приговаривала: «*Кощие-то какие приехали! Замертё тут, цый один пьетё! Глянь — одне крыльця торчат!*»

А мы-то всё бегаем по бабушкам, а они от нас будто в *межсерёдку* прячутся! А еще есть у них тут палка такая, *батог* называется. У нее такое широкое применение, что узнаешь, *почем фунт баранок!*

На *коробочку-то* (магнитофон то есть) все записаться хотят, но ведь и говорят многие, как в книжках писано.

Зашли в дом к старушке. Сама-то она хлипкая, *кореватая*. Сказали ей, что поговорить пришли. Она и *бает*: «*Ничего не чую. Гласина-то у вас не больно шумкая, да вы не робкайте! Дверину-то закройте, а то холодковато, так и побормотаем.*»

С разговорами-то и время быстрее *коротается*.

Обратно шли, так такая слякоть сделалась, дождь как ливанул, так пришлось юбки-то *подболокнуть* да рысцой до дома! Домой-то прибежали да на *мосту* так и хлопнулись! *От* было *дивьё!*

Хозяйка опять нас *титорила*: «*Почто не поевши отвернули? Видать, хорошо побегали — весь ужин в один присест опростали!*»

День *коротается*, солнце *закатается*, а у нас ещё ухом не *махни*, дел не *впроворот*, и на *вечерину* успеть *надоть*. Наладили *грибочки* да *полёточки*, чтобы местным *парнекам* *погленуться*. А те *бают*: «*Девки-то какие из городу приехали баские, и похаять-то не за что!*»

Так день и пройдет, и подумаешь, на ночь гляючи: и жизнь хороша, и жить хорошо!

10 июля. Пишем стихи

Диалектологам уже хорошо понятен еще недавно совершенно неизвестный диалект. Мы уже сами можем говорить почти *по-режски!* И в часы вдохновения у нас рождаются стихи. Пусть безыскусные, но такие искренние! В них запечатлеваются ситуации деревенской жизни и обороты местной речи. Так, как в стихах горожанки Наташи Шишовой:

*Зазвенела коса,
Прошлась по траве.
Ты коси, коса,
Не тупись, родимая!*

*Дорог каждый день,
Было б солнышко,
А то, гляди,
Размокропогодится –
Сгинет травушка,
А потом уж некому плакаться.*

*Ты коси, коса,
Шире взмах!
Травка ровно стелется,
Не шелохнется,*

Словно волосы девушки.

*Я тебя оселком наточу,
Чтоб блестела серебром,
Чтоб ни бухтинки,
Ни царапинки –
Словно зеркало.*

*А в деревне Гридино
В каждом дворе журавли.
Журавли-то не простые,
Деревянные, большие.
То колодцы водяные с кошкой,
Очапом, с крюком.*

*Шла девица по воду,
С подругами встречалась.
От колодца шла домой —
В ведре вода плескалась.*

*Собралась молодница
По воду да с коромыслом,
Опустила кошкою ведро
И достала серебро
И рассыпала его.
Вот непряха-рассыпаха!
Чернай воду заново!*

*Коромысло мое гибко,
В ведрах плещется вода.
С острегов стекает чище,
Чем в колодце у тебя.*

*На сцене будущий солдат,
Алёша — как герой.
Он песнь про армию поет,
Серьезный весь такой,
Еще стихи читать умеет*

Про корабли и танки,
Наверно, в будущем
Играть он будет на Таганке.

«Мы на лодочке катались золотистой, золотой» –
Лена с Галей затаянули, голос льется молодой.

Красив украинский романс,
Он за душу берет.
Ах, как Марина хороша!
Кто так еще споет?
А в зале тишина стоит,
Никто ни с кем не говорит,
Лишь бурными аплодисментами
Зал скоро зазвонит.

Наш колодец срублен в лапу,
Ведро на кошку — черпай, раз надо!

Молодежь-то какова –
И поступки, и дела...
Рассуждают две старушки,
Вызывая дружный смех.
Галю с Леной зал весь слушал,
Был большой у них успех!

Мы и кадрили задорную
Умеем танцевать.
Наташа, Света, Лены две
Легко летят, кружась.
Все в сарафанах модненьких,
С улыбкой на лице,
Что захотели сразу же
Кружиться с ними все.

Закончили «Надеждой» — песней.
Что может быть прекраснее надежды
На встречу новую со старыми друзьями?

Но неохотно уходили зрители из зала:
16 номеров им показалось мало!

11 июля. Баять не напостывает

Привернули мы на недельку в Рассохино, поселились в избушке на курьих ножках к бывшей ударнице, а теперь, по ее мнению, *засранице*, славной восьмидесятишестилетней старушке — бабе Мане. И *обрадела* она нам, как Христу. Еще бы! Мы ведь навели порядок в избе, покрыли стол подобием салфетки и сразу же — для установления контакта — взялись перебирать картошку в ямне. Картошка-то *хрушкая*, ядреная, да вот в подполье лазать приходилось *карачуном*, а когда наверх выползали, волосы *оборонять* пришлось: полная голова была *шаму!*

Снова открыли *западню*, второй раз полезли в погреб, хотя и голова у всех *кружится*, и бабушка чуть не *тюкается* от усталости. Говорим ей: «Идите отдохните!» Ушла, да вдруг влетела в избу, как *молодяжка*, и как *заборкает*, *заборкает*: «Девки, вы не бойтесь, когда с *моста* выходить будете, там *полица* обломилась. А дверь-то открывать станете — так с крыши *потошник* упал, не ушибитесь, а то изба старая, а медпункт-то далёко».

Сидим мы, *усердницы дошлые*, и думаем: а что, если ночью и матица обвалится и зашибет? Но успокоились: не зря же бабушка по ночам за нас молится! А еще иногда она вдруг посреди ночи как запоет:

*Золотого-то колечика
Не буду стаивать,
Не буду милого любить,
Сама себя расстраивать.*

И спрашивает: «Девки! Этого-то в *ящик* <т. е. на магнитофон> не записывали? Ну ладно, я еще *здумую*. Слушайте, сейчас *зачну* с краю и *на голос* спою!» И так наша бабушка поет час или два, недаром говорят про нее, что *тороватая* была.

Утром хозяйка встанет часа в четыре и самовар ставит, печь топит, чтобы напечь *неудач*. А нас спрашивает: «Девки! Вы *встанитё*, *поедитё* и *пойдитё* или *поманитё?*»

Да, думаем, бабушка у нас клад: не только песни поет, но и стихи сочиняет! И никакая она не *балабошка*, ведь без нас неделю-то вообще не говорит. Живя с приезжими, их не *подтыкает*, указывать не любит. Ее любимое выражение — *указчику прыщ за щеку*. Подумаешь, если скажет, где и что вымыть, как *ворончики* обтереть и *тенету* с *потолоки* убрать, и таз на *мост* вынести, и в самовар воды принести, да лучше с дальнего *колодчика*. Так какие же это указы? «Мне, — говорит, — даром: *делайте, что хочите!*»

Если наша бабуся придет из магазина, то уж принесет *всякого места*: и *дошичек* вафельных, и красненьких *яблочков* — помидоров, и конфет без бумажек, и *стеклянку* с закуской и т. д. А потом чай горячий станем пить, да так, что *куфтырь* чуть не лопнет! Нас она очень любит, с нами-то ей *баять* не *напостывает*, да и нам жаль уезжать: больно хорошая бабушка! И знает много, и видела, и слышала немало. Очень жаль, что сейчас она плохо *чует* и ноги у нее *тосковать* начали. Но вот как *разулыбит* свой беззубый рот, так нам кажется, что нет на свете лучше места, чем эта *избушка* на *курьих ножках* с обвалившимся *потошником*...

12 июля. Подведем итоги

Участниками экспедиции в Режский сельсовет Сямженского района Вологодской области оформлено 2400 словарных карточек, составлен 1 гербарий, заполнен 1 блокнот с фонетико-морфологической характеристикой говора, записаны 4 кассеты общей продолжительностью звучания около 2 часов, заснято 60 кадров фотопленки, заполнена 1 анкета, прочитаны 2 лекции, выпущены 2 стенных газеты, оформлены 2 альбома, привезены 4 предмета материальной культуры с диалектными наименованиями.

Участниками Режской экспедиции в 1983 году, то есть авторами приведенных дневниковых заметок, были студентки ВГПИ Абдулхаева Елена, Копылова Галина, Леонова Елена, Максименко Марина, Пукайчук Светлана, Соловьева Наталья, Шишова Наталья.

Фото 1: Аспиранты А. А. Баландина и Е. Н. Шаброва работают по программе «Лексика одежды» с информантом А. П. Поповой

Фото 2: Участники экспедиции читают страницы своего дневника

В экспедиционных дневниках вологодских студентов, помимо приведенных выше текстов, содержится еще много интересных материалов. Следовательно, такие дневники небезынтересны для региональной диалектологии. Более того, эти путевые журналы иллюстрируют использование студентами приемов популяризации знаний об исчезающих русских народных говорах. Полагаем, что такие дневники могут быть весьма интересны и широкому читателю.

L. Zorina. Student Dialectological Expeditions' Diaries: Peculiarities of Genre and Typology of Texts

Dialectological student practice and expeditions at the Pedagogical Institute of the Vologda State University have been carried out for decades. The article describes a whole number of such expeditions diaries, especially considering the diary genre and developing a typology of texts. Expedition diaries are a valuable material for the regional dialectology and illustrate how the students apply the methods of popularization of knowledge about the disappearing Russian national dialects.

Keywords: expedition diaries, peculiarities of the genre, typology of texts.